

Я НАЙДУ ТЕБЯ, ГДЕ БЫ ТЫ НИ СКРЫВАЛАСЬ

Я СЛЕЖУ
ЗА ТОБОЙ

САМАНТА М. БЕЙЛИ

Друг-Мой-Враг

Саманта Бейли

Я слежу за тобой

«Азбука»

2022

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

Бейли С.

Я слежу за тобой / С. Бейли — «Азбука», 2022 — (Друг-Мой-Враг)

ISBN 978-5-389-27176-0

Сара Голдман нанимает симпатичную двадцатидвухлетнюю Холли присматривать за своим шестилетним сыном, и сначала все складывается просто идеально. Маленький Джейкоб обожает няню, а Холли видит в Саре образ матери, которой у нее никогда не было, и практически становится членом семьи. Однако мнительная Сара все же не может до конца довериться Холли и начинает следить за ней... Результаты слежки приводят к открытию, настолько шокирующему, что Сара с мужем бегут на другой конец страны, планируя начать жизнь сначала. Но в новом жилище супруги обнаруживают скрытые камеры, а по ночам вокруг рыскает подозрительная фигура, – неужели за Голдманами кто-то следит? И если так, кто это может быть?

УДК 821.111(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-27176-0

© Бейли С., 2022

© Азбука, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Саманта М. Бейли

Я слежу за тобой

Боязнь есть мать предусмотрительности.

Томас Гарди

Samantha M. Bailey
WATCH OUT FOR HER

Copyright © Samantha M. Bailey, 2022
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

В книге имеются упоминания социальных сетей Facebook (Фейсбук) и Instagram (Инстаграм). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории Российской Федерации.

© Е. О. Алешина, перевод, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Иностранка®

Глава первая

САРА

Настоящее время

Я смотрю на людей.

Цепким взглядом соглядывая я наблюдаю за ними из окна арендованного автомобиля, пока Дэниел паркуется возле нашего нового дома под номером 227 по Сиреновой аллее. Здесь мы будем жить на протяжении следующих шести месяцев, пока не подыщем себе дом, который захочется приобрести в собственность. Интерьер я видела только на зернистых изображениях. Этот дом нашла для нас новая консалтинговая фирма, в которой будет работать мой муж. Своего рода поощрение, чтобы завлечь его в ряды своих сотрудников. И это помогло нам совершить внезапный бросок через всю страну. Стало легче, но не совсем.

В сумерках наш двухэтажный особнячок сливается с другими домами на тихой улице в пригороде Торонто, как, надеюсь, сливаемся и мы. Квартал заканчивается тупиком. Там, напротив оврага, располагается ряд приземистых таунхаусов. Меня пробирает дрожь. Но не от ощутимой сентябрьской прохлады, а от столь близкого соседства с лесом. Этот лес сильно напоминает мне обо всем, что произошло с нами в Ванкувере.

Мы с Джейкобом, моим сыном, выходим из машины и шлепаем кроссовками по оставшимся после ночного дождя лужам. Этот звук возвращает меня в настоящее, унося далеко от Холли Монро – нашей няни, нанятой на лето и подтолкнувшей меня согласиться на этот незапланированный переезд. Дэниел идет впереди, волоча за собой чемодан. Каждые несколько секунд он с улыбкой поглядывает через плечо. Я улыбаюсь ему в ответ, но внутри рыдаю из-за всего, что утаивала от него на протяжении лета, и всего, что он может скрывать от меня.

Джейкоб останавливается перед нашим новым домом из красного кирпича с тремя спальнями.

– У него есть глаза, – говорит сын. Голос его звучит безжизненно, и весь он дрожит в своей тонкой курточке. В Торонто ветер более пронизывающий, чем в Северном Ванкувере. К этому моему мальчику теперь тоже придется привыкнуть. – Окна – это глаза, а дверь – рот. А носа нет.

Я притягиваю сына к себе. Это просто воображение шестилетнего ребенка, однако его слова застревают у меня в голове.

Джейкобу не известна настоящая причина нашего переезда из Ванкувера. Он знает только то, что папа устроился на новую интересную работу деловым консультантом в городе, где прошло его детство, а мама поддерживает папу. Ни сын, ни муж даже не подозревают о вечерах, которые я провела, спрятавшись в густой роще за ограждением бассейна, потому что оттуда открывался отличный обзор дома нашей няни.

Мне хотелось быть ею. Холли, молодая и красивая, и вся ее жизнь как дивный чистый лист. Но я перестала ей доверять. А в конце желала лишь одного – защитить свое.

Я поворачиваюсь к сыну в тот момент, когда он сует в рот большой палец. Этой привычкой он, похоже, обзавелся за лето. Сердце у меня сжимается при виде веснушек на носу Джейкоба, ярко проступающих на бледной, как мел, коже. Выглядит он ужасно. Мы летели ночным рейсом, чтобы он поспал в дороге. Но Джейкоб был убит горем из-за переезда, так резко сорвавшего его с родного места, и потому проплакал почти весь полет. Говорят, ты можешь

быть счастлив ровно настолько, насколько счастлив самый несчастный из твоих детей. У меня ребенок всего один, и он морально подавлен, так что я чувствую себя похожим образом. Он лишился дома и всех, кого любит, если не считать нас с Дэниелом.

– Ну что, готов увидеть дом? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Джейкоб вынимает мокрый палец изо рта. Кожа вокруг ногтя в бахроме и трещинах.

– Я хочу домой.

«Ну, это уже невозможно», – думаю я про себя, но вслух не произношу. Две недели назад Дэниел продал наш красивый дом на утесе в Форест-Вью частному покупателю из престижного гольф-клуба, членом которого он состоял. Наш дом нам больше не принадлежит. Муж в кои-то веки обо всем позаботился, что было совсем не похоже на человека, который не в состоянии сам собрать себе на работу обед и почти никогда не читает нашему сыну, предоставляя это мне. И теперь в этом новом месте мне не остается ничего, кроме как быть мамой Джейкоба. Нужно было радоваться тогда, а не ныть, желая чего-то большего, какого-то чувства собственного «я».

Как только Дэниел подходит к двери, на крыльце зажигаются фонарики. Мы с Джейкобом поднимаемся за ним по трем высоким ступеням, и я вглядываюсь в темноту через декоративное стекло, с которого на меня смотрят наши призрачные отражения. Дэниел шарит в почтовом ящике в поисках ключа, вставляет его в замок и поворачивает. Замок не щелкает. Черная дубовая дверь оказалась не заперта.

– Ух ты! Агент по недвижимости забыла закрыть на ключ, – комментирует Дэниел.

Я чувствую на себе чей-то взгляд и оборачиваюсь назад. Под тусклым желтым светом уличного фонаря видно, как дергается занавеска в окне дома на противоположной стороне улицы. Появляется и тут же исчезает чье-то лицо. Не буду сгущать краски. Мне не хочется поддаваться страшному предчувствию, терзающему меня с тех пор, как я в последний раз видела Холли шестнадцать дней тому назад.

Я тащусь следом за Дэниелом, подталкивая ко входу Джейкоба, и запираю за собой дверь. Прежде чем я успеваю оглядеть хотя бы первый этаж, Джейкоб начинает выть – издает низкий отчаянный вопль, от которого у меня внутри все переворачивается. Дэниел смотрит на меня и на короткое время закрывает глаза, как поступает всегда в затруднительных ситуациях, пытаясь таким образом прогнать от себя все плохое.

Я, как обычно, принимаю удар на себя.

– Что случилось? – спрашиваю я Джейкоба, опускаясь на деревянный пол, чтобы оказаться на уровне глаз сына.

– Мистер Блинкерс! Я не смогу здесь жить без него! – он не переставая колотит себя кулачком по худому бедру. Я беру его маленькую руку и зажимаю в ладонях.

Ничто не ранит мать больше, чем боль ее ребенка. Я совершила столько непоправимых ошибок. И теперь моя единственная забота – сделать так, чтобы Джейкоб снова был счастлив.

Правда, сделать это я никак не могу, поскольку мы потеряли его любимую игрушку, мистера Блинкерса – мягкого серого кролика, с которым он спал каждую ночь на протяжении всего лета. Он исчез, когда мы упаковывали одежду, игрушки и электронику, которые планировали забрать с собой в Торонто. Я виню в этом себя. Наверное, случайно его выбросила. Это моя вина, как и многое из случившегося этим летом.

– Попробуем найти нового мистера Блинкерса здесь в магазине, милый.

Дэниел ставит на пол сумки. Ключи от дома падают на стоящий у двери маленький столик из черного дерева. От звонкого стука я подпрыгиваю. Муж вслед за мной наклоняется к Джейкобу.

– Дружок, мы купим тебе нового зайчика и возьмем его с собой на Си-эн-тауэр. Там на верхушке есть крутящийся ресторан.

Дэниел старается чересчур сильно, и Джейкоб видит его насквозь.

– Я хочу кролика, которого подарила мне Холли! – Он утыкается мне в плечо, и слезы льются из его глаз так обильно, что мой плащ тут же становится мокрым. Я крепко обнимаю сына и даю ему выплакаться. Мой радужный малыш, мое чудо, свершившееся после преждевременно прервавшейся беременности. Джейкоб – единственный ребенок, которого мне суждено иметь в жизни.

Дэниел направляет на меня свой полный сожаления взгляд. О чем он сожалеет? Какими натянутыми и отстраненными стали наши отношения в браке? Насколько незаметной я стала для него за последний год? Как они с Холли любезничали, когда не знали, что я за ними наблюдаю? Нет, не буду сейчас об этом. Он уверил меня, что я все поняла неправильно. Все только у меня в голове.

С того дня, когда Дэниел предложил переехать в другой конец страны, чтобы все исправить, он так старался быть внимательнее, дать мне почувствовать, что я для него что-то значу и что сейчас все так, как было сразу после свадьбы пятнадцать лет назад. Я решила поверить, что между ним и Холли ничего не было. Я решила, но поверила ли я ему в действительности?

Надо рассуждать здраво, в кои-то веки. Кто, как не Дэниел, массировал мне стопы каждый божий вечер, пока я носила Джейкоба? Он плакал вместе со мной, когда на шестнадцатой неделе беременности мы потеряли нашего первого ребеночка, нашу дочку, потому что ее сердечко перестало биться у меня внутри.

Больше я не могу никого потерять. Это меня ломает.

Джейкоб постоянно вспоминает Холли, и каждый раз это действует мне на нервы. На сей раз Дэниел отвечает первым:

– Джейкоб, не будем говорить о Холли, ладно? Мы должны жить дальше.

Вот опять: мой муж пытается. Я провожу рукой по его густым каштановым волосам с наметившейся сединой на висках. Седина ему, конечно, к лицу. А свои волосы я выкрасила в платиновый блонд еще в конце июля, и сейчас они сальные и собраны в конский хвост, но их темные корни все равно бросаются в глаза.

– Я хочу, чтобы все было как р-р-раньше, – заикаясь, тянет Джейкоб.

– Сладкий мой, – говорю я. – Что-то менять всегда нелегко, но все будет хорошо. Будет даже лучше, чем раньше.

Голос у меня срывается. Было так тяжело прощаться с мамой, братом Натаном, золовкой Пэм и племянницами Съенной и Лили. До этого я никогда не отлучалась из Ванкувера дольше, чем на пару недель. Теперь же при одной только мысли о возвращении туда меня переполняет ужас. Этим летом я напрочь потеряла контроль. Я видела кое-что не предназначенное для моих глаз. Я сделала то, чего ни в коем случае делать не следовало.

Я глажу Джейкоба по щеке, а потом направляюсь к первой двери. Впереди еще две. Дом из страшной сказки с бесконечным количеством дверей. Меня тут же окутывает темнота. Наш прежний дом мог похвастаться простором, открытостью и большими окнами, через которые ярко и радостно сияло солнце. Всего в нескольких шагах от нашей террасы с бассейном стоял величественный пихтовый лес, свисающий над реку Капилано, чьи воды бурлили прямо позади нашего двора. Здесь же весь первый этаж отделан темной лепниной, а окна узкие. На пыльный деревянный пол мрачного темного цвета падают жуткие тени.

Я тяжело выдыхаю и прижимаю к себе стучащего зубами Джейкоба.

– Надо включить отопление.

– Конечно. Джейкоб, идем со мной. Давай-ка найдем, где тут термостат. Я уже и забыл, насколько в Торонто холоднее. Даже в сентябре. – Муж бледен. У него не менее измученный вид, чем у меня. Я чувствую очередной укол вины, но стараюсь сосредоточиться на Дэниеле. Он, кажется, рад возвращению в Торонто, где провел все детство, а теперь заново начинает карьеру в консалтинге, с десятков лет проработав прикованным к рабочему столу операционным директором в ванкуверской компании.

Ни на миг не отпуская черных перил, я поднимаюсь по изогнутой лестнице на просторную площадку второго этажа, устланную коричневой доской из древесины гикори. Хозяйская спальня большая, с дорогими и мрачными дубовыми комодами и такой же передней спинкой кровати. Мне не терпится обшарить все уголки и закоулки, чтобы узнать, кто жил здесь до нас и какие скелеты мог прятать в этом доме. Старые привычки так легко не отпускают.

Я закрываю дверь спальни и гляжусь в закрепленное на ней ростовое зеркало. Щеки впали, под глазами темно-фиолетовые круги. Мне все равно. Здесь я снова смогу быть Сарой Голдман – просто матерью и женой, а не фотографом и женщиной, одержимой ревностью к двадцатидвухлетней няне своего ребенка.

Усталость лишает меня жизненных сил. Я всегда плохо спала, но яростная гонка ради скорейшего отъезда из Ванкувера съела меня без остатка.

Пока Дэниел и Джейкоб разбираются внизу с отоплением и, надеюсь, заносят коробки из багажника, я ложусь на большую двуспальную кровать без постельного белья или покрывала. Мне не по вкусу этот сусальный дом, но в нем хотя бы уже есть мебель. Я с радостью замечаю на потолке детектор дыма. Однако маленькая лампочка в середине не горит. Надо проверить батарейки. При моем небольшом росте в пять футов и один дюйм мне приходится воспользоваться черным стулом возле выходящего на улицу окна.

Поднимая в воздух пылинки, я подтаскиваю стул под детектор дыма и, встав на него, вздыхаю, потому что не могу дотянуться до цели даже кончиками пальцев. Но теперь мне хотя бы удастся рассмотреть датчик получше.

В центре него вовсе не лампочка, даже близко ее не напоминает. Но это что-то круглое.

Видеокамера.

«У дома есть глаза».

За мной кто-то следит.

Глава вторая

ХОЛЛИ

Раньше

Отец Холли сидит напротив дочери за длинным обеденным столом красного дерева. Этим утром она проснулась особенно рано ради возможности позавтракать с ним наедине. Ей нравится это время – только они вдвоем, и солнечные лучи падают на свисающую со сводчатого потолка богато украшенную хрустальную люстру, заливая их с отцом золотым светом. В такие редкие моменты жизни он просто ее папа, а не Джон Монро – наследник империи «Хэлс Про Икс».

Только что пришедшие почтой копии документов с оценками Холли на медицинском факультете Университета Британской Колумбии лежат возле отцовской тарелки со свежими фруктами. Отец больше не ест тяжелую пищу перед работой. Мачеха Холли, Лизетт, держит его на строгой диете.

– Умница, Холли, – говорит отец, прихлебывая кофе. – Я, конечно, продолжаю считать, что в следующем семестре ты должна стать лучшей студенткой в группе, но средний балл на уровне четверки на первом курсе медицинского – это весьма неплохой результат. – Он стучит пальцем по бумаге. – Тебе пора подумать над выбором руководителя для фармацевтического исследовательского проекта, который тебе предстоит на третьем курсе.

Есть ей уже не хочется. Глаза щиплет от слез, но Холли не показывает вида. Представители рода Монро могут быть только лучшими; все остальное считается неудачей.

– Спасибо, пап, – отвечает она, откусывая кусочек круассана с маслом и кладя его на тарелку. – Может, пообедаем сегодня вместе?

Если он согласится, она проведет утро, набираясь смелости. Каким-нибудь образом она это произнесет, сообщит ему о своем нежелании возвращаться осенью на медицинский факультет. Ей не хочется быть навечно привязанной к «Хэлс Про Икс» и нести на себе груз ответственности за продолжение фамильного наследия. Ей хочется, чтобы у нее было время для путешествий, может быть, для изучения психологии, да просто была возможность существовать как принадлежащая себе личность, не завязанная на то, что она Монро. Но в то же время ей не хочется разочаровать отца.

Он качает головой с густой для его сорока семи лет шевелюрой:

– Прости, солнышко. У меня встреча с Чарли Лэнгом. Он хочет посмотреть нашу лабораторию и последнюю статистику по «Ритофану». – Потом отец подмигивает. – Чувствую, он уже близок к тому, чтобы решиться на инвестиции. Если нам удастся привлечь Чарли, этот бета-блокатор выведет «Хэлс Про Икс» на международный уровень. Лизетт организует вам встречу наедине. – Тут он улыбается Холли, и она чувствует себя принцессой. Под воздействием отцовского взгляда от ее тревог не остается и следа.

Но все-таки Чарли Лэнг – владелец одной из крупнейших ванкуверских девелоперских фирм и, возможно, самый богатый и влиятельный человек среди отцовских знакомых – ее пугает. Отец на нее рассчитывает. Но вдруг ей не удастся заполучить инвестиции Чарли? Это самое важное задание из всех, что ей поручались. Провала здесь быть не может. Это ей было ясно.

Холли не помнила ни единой совместной трапезы с отцом, когда бы он не упоминал «Хэлс Про Икс» – ведущую в стране фармацевтическую компанию. Она была собственностью Холли по праву рождения, а если отец добьется своего, то однажды станет и ее единственной целью в жизни. Отец хочет для дочери самого лучшего. Это ей известно. Он предан своей работе и всего себя посвятил тому, чтобы превратить их фамилию в живую легенду. Но сердце у нее обрывается при мысли о лете, которое ей предстоит провести, обхаживая инвесторов ради запуска «Ритофана» – отцовского революционного сердечного препарата. На предварительных испытаниях лекарство дало меньше побочных эффектов, чем имеющиеся на рынке аналогичные препараты. Это первый продукт компании, для которого отец собирается добиться одобрения Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. Но для того, чтобы начать клинические испытания на людях – последний и самый дорогой этап, предваряющий подачу заявки на регистрацию нового препарата, – надо собрать сорок миллионов долларов. Это эпохальный период в жизни их семьи.

Может, Холли и не знает наверняка, чего хочет от жизни, но разве этого? Сегодня у нее голова идет кругом; она чувствует себя не в своей тарелке. Холли глядит на отца, а он с гордостью ей улыбается. Он не понимает. Всякий раз, когда она подходит вплотную к вопросу о своих деловых встречах, он уклоняется. Ему неизвестно в полной мере, чего ей стоит заставлять этих могущественных людей вкладывать деньги. Когда Холли удается заманить в проект одного из них, для нее это становится лучшим моментом. Отец смеется и обнимает Холли, щедро изливая на нее похвалы и любовь, и говорит, что он счастливейший человек на свете, поскольку у него есть такая дочь, как она. Так почему же она несчастлива? Почему Холли недостаточно быть его маленькой девочкой, зеницей его ока?

Холли слышит, как в атриуме угрожающим эхом разносится цоканье каблучков Лизетт по полу итальянской древесины. Черт. Она идет. Холли слышит ее запах прежде, чем успеет увидеть глазами. Дорогой парфюм Лизетт отравляет воздух. Мачеха одета для дамского обеда. Цветастый сарафан облегает ее подтянутые в тренажерном зале изгибы. Она стоит рядом с Холли, и ее коротко стриженные черные волосы рассыпаются на макушке аккуратной шапочкой.

– Твое собеседование с Голдманами в девять, – объявляет она Холли.

– Собеседование? – переспрашивает Джон, отправляя в рот кусочек манго и улыбаясь жене и дочери так, будто они его сокровища. Или движимое имущество.

Лизетт скалится в улыбке, едва двигая закачанными ботоксом мышцами лица.

– Да. Дэниел Голдман ищет няню для шестилетнего сына. Им нужен человек на все лето, чтобы его жена Сара могла выделить какое-то время для себя. – Она протягивает руку за стоящей на боковом шкафчике фарфоровой чашкой и наливает себе кофе из серебряного френч-пресса. – Ты разве не помнишь, что он говорил в воскресенье за обедом?

– Кажется, я этого не слышал. Но если Холли побудет няней у Голдманов, это просто прекрасно. Мне нравится Дэниел. Он хорошо поднялся до исполнительного директора «Код тека». Растет. Помимо этого, он разумный инвестор, так что я думаю, тут тоже есть потенциал. Я имею в виду для нас. – Иногда он так делает, говорит о Холли так, будто ее нет поблизости.

Лизетт медленно подходит к падчерице. Она кладет руку на ее голое плечо, но прикосновение не несет в себе успокоения. Холли смотрит на женщину, плохо заменяющую ей мать, которой она никогда не знала. Ее родная мама Кейтлин умерла во время родов. Холли не уверена, что отец смог простить дочь за то, что она убила его жену. Для Холли женитьба отца на Лизетт – как предназначенное ей наказание.

То, что Лизетт так и не двинулась с места, означает, что она ждет. Ей что-то нужно. Поначалу Холли пыталась донести до отца, как печально ей становится от присутствия Лизетт, но он был ослеплен любовью к знойной красавице и искренне верил, что Лизетт любит Холли не меньше, чем собственную дочь Алексис и его. Мужчины. Они бывают так глупы.

Холли давно оставила попытки выстроить с этой женщиной отношения, хоть сколько-то походящие на отношения матери и дочери. Но по крайней мере у Холли есть Алексис – сводная сестра на пять лет старше ее, результат первого непродолжительного брака Лизетт с мужчиной, чьего имени она никогда не произносит. И еще Алексис – лучшая подруга Холли.

Холли было шесть, когда жизнь свела ее с одиннадцатилетней Алексис. Девочки сразу же привязались друг к другу, подтолкнув Лизетт к решению переложить ответственность за заботу о Холли на выносливые плечи Алексис. Холли знает, что ей повезло унаследовать естественную красоту матери, а вот Алексис, ширококостная и неуклюжая, абсолютно не из тех девушек – ни в детстве, ни сейчас, – которым суждено блистать на шикарных вечеринках или модных показах. Единственный случай, когда Лизетт одаривает Холли своим вниманием, это когда ей что-нибудь от нее нужно, как сейчас – для видимости или для какой-нибудь грязной работы.

Джон отодвигает свой стул назад и кивает Холли.

– Работа няней будет хорошим дополнением к твоему резюме, если хочешь пойти в ординатуру на педиатрию. Рынок детской медицины растет в геометрической прогрессии. Это было бы очень полезно. Тебе стоит знать, что у Дэниела Голдмана есть высокопоставленные друзья. Я видел, как он общался в клубе «Каньон» с Чарли. А недавно он играл в гольф со мной и Стэном Филдингом.

«Полезно». У Холли нет никакого желания сидеть с каким-то ноющим ребятенком ради того, чтобы его мать все лето напролет делала себе маникюры-педикюры. Или слышать о Стэне Филдинге – генеральном директоре крупной нефтяной компании, отцовском партнере по гольфу и давнем инвесторе их семейной фирмы. Но то, как отец смотрит на нее с обожанием и гордостью, а также жадный блеск в глазах Лизетт не оставляют ей выбора. Она Монро. Ее работа – помогать расширять границы империи. Это ведь даже интересно, двойной стандарт. Алексис никогда не приглашали работать в «Хэлс Про Икс». И от нее явно не ждут, что она будет завлекать клиентов. Если уж на то пошло, ее отец и Лизетт хотят, чтобы она вообще держалась от семейного бизнеса как можно дальше.

Холли встает из-за стола.

– Подожди, – велит Лизетт.

На долю секунды Холли кажется, что мачеха может сказать что-нибудь ободряющее.

– Да? – Ее бесит эта всколыхнувшаяся в груди надежда, но она ничего не может с собой поделать.

– Захвати на собеседование к Голдманам купальник. У них есть бассейн.

– Хорошо, – отвечает Холли. Но собственный ответ возмущает ее тем, как мило и послушно звучит слетевшее с ее губ слово. Это вопиющее предательство всего, что живет в ее сердце.

Холли устало тащится по винтовой лестнице огромного дома с видом на лес, проходит мимо бывшей комнаты Алексис, в которой теперь располагается личный тренажерный зал Лизетт. Сейчас это помещение совсем не похоже на то, что здесь было, когда в нем жила Алексис. Сводная сестра уехала два года назад, потому что, будучи двадцатипятилетней дипломированной медицинской сестрой, она уже должна была жить отдельно. Этого она и хотела. И теперь живет в Линнморе в десяти минутах езды отсюда в полуподвальной квартирке. Это однушка с голыми стенами, потому что Алексис не смогла устроиться работать по специальности. Заботливая и внимательная, Алексис могла бы стать замечательной медсестрой, но она не умеет проходить собеседования. Она понятия не имеет, как себя подавать. Это удел Холли.

Холли очень не хватает присутствия Алексис в доме. Она добрый до мозга костей и самый самоотверженный человек в ее жизни. И несмотря на это, похоже, что только Холли по ней и скучает. Плакаты о защите прав животных и яркие гобелены, украшавшие голубые стены в ее комнате, заменили зеркалами от пола до потолка, чтобы Лизетт во время занятий могла видеть себя со всех сторон.

Холли тоскует по тем дням, когда Алексис неловко плюхалась к ней на кровать, желая поболтать – а это желание было у нее непроходящим, – и когда заказывала пиццу с колбасой, потому что Холли любила ее больше всего, на импровизированные киновечера, проходившие в спальне Холли, поскольку там стоял большой телевизор. Для сводной сестры Холли всегда была на первом месте. Даже когда в тринадцать лет Алексис пригласили на ночевку к Слоан Перкинс – самой крутой ученице из седьмого класса, она предпочла этой «девчонке что надо» Холли.

Алексис единственная, кто принимает Холли такой, какая она есть. Конечно, она принимает ее, поскольку не знает всего. И никогда не сможет узнать.

Холли со вздохом заходит в свою идеальную розовую комнату. Она раздвигает занавески на окне и прижимается лицом к стеклу. Когда окно открыто, ей слышно, как шумит внизу река Капиано. Это место – рай для любого; для Холли – это тюрьма с красивым видом.

Она понимает, что в ее отношениях с мачехой не все нормально, но у нее никак не получалось подобрать правильные слова, чтобы их описать, пока в этом учебном году она не выбрала в качестве факультатива психологию. Теперь ей стало ясно, что Лизетт страдает нарциссизмом; Алексис для нее помеха, а Холли – пешка в ее руках. Единственное, чему научила ее Лизетт, это что любовь условна. Профессор Люк Филлипс, конечно же, рассказал Холли многое о поведении людей. Холли улыбается при мысли об этом. Это единственные отношения, которые не срежиссировала для нее Лизетт.

Почему Холли не может послать мачеху к чертям? Какое право она имеет диктовать падчерице, на какую работу устраиваться, как себя вести и что говорить? Холли устала быть куклой Барби, трофейной дочкой.

Она натягивает синий слитный купальник под джинсовые шорты и майку, накидывает сверху худи и прихватывает с собой рюкзак. На выходе из дома девушка замечает на столике в прихожей изумрудные сережки Лизетт. Холли сует их себе в карман, наслаждаясь щекочущим нервы волнением оттого, что берет серьги только потому, что у нее есть такая возможность.

У круговой подъездной дорожки она вспыхивает от раздражения.

– Вот черт, Лизетт! – Как маленькая, Холли пинает крышку мачехиногo мерседеса, перекрывшего дорогу белому джипу, подаренному Холли отцом на восемнадцатилетие. Она знает, что, если вернется и попросит Лизетт переставить машину, та только обвинит Холли и скажет, что у нее в юности не было собственной машины – «девушки в наши дни избалованы до невозможности. Не Алексис, конечно, а остальные». Она не будет разговаривать с Холли по меньшей мере весь день и начнет жаловаться на то, что, хотя одна из ее маленьких пташек и вылетела из гнезда, кажется, что в доме все равно не протолкнешься. Сегодня у Холли больше нет ни желания, ни сил принимать на себя еще больше упреков и мучиться по этому поводу чувством вины. Ноша, которую она уже несет, и без того тяжела.

Она вытаскивает из дальнего угла гаража велосипед, решив, что лучше десять минут покрутит педали до Клифсайд-роуд, где живут Голдманы.

Когда Холли поворачивает направо на бульвар Монтрояль, у нее в рюкзаке начинает звонить телефон. Она останавливается, несмотря на то что из-за этого может прибыть к Голдманам с небольшим опозданием.

– Привет, я не могу говорить, – сообщает она Алексис, когда круглое лицо сводной сестры заполняет собой все пространство экрана. Алексис всегда держит телефон слишком близко и не красится с тех пор, как покинула дом два года назад.

– Ты вся мокрая. Чем ты занимаешься?

– Еду на велосипеде на собеседование, чтобы работать няней. Твоя мама устроила. Не спрашивай.

– Няней? Я думала, ты все лето будешь помогать Джону с продвижением.

– Так и есть. Дневная работа, ночная работа.

Алексис качает головой, а потом поворачивается к кому-то позади себя.

И тут Холли понимает, откуда звонит сестра. Она на работе. А за ней стоит Люк. Когда Алексис не смогла никуда устроиться по специальности, Холли вмешалась. Она договорилась о работе для Алексис на неполный день на все лето. Подшивать документы и помогать с исследованиями ее бывшему профессору психологии. Холли пришлось практически умолять Люка и даже больше.

– Пожалуйста. Алексис потрясающая. Суперусердный и старательный работник. Совсем на меня не похожа. Ей нужен настоящий опыт работы, чтобы она смогла когда-нибудь устроиться медсестрой.

– Не знаю, смогу ли я сладить с двумя женщинами из клана Монро, – поддразнил Люк, целуя Холли в плечо, ибо она затащила его к себе в постель, пока папа с Лизетт были где-то в противоположном крыле и пребывали в полном неведении, что профессор находится в доме.

Холли содрогается, чувствуя тяжелый груз вины. Стольких вещей она может добиться лишь одним путем. Алексис до сих пор не имеет никакого понятия об отношениях Холли с Люком. Никто не имеет. Так много секретов. Но связь Холли с профессором рвется. Она получила желаемое. Больше он ей не нужен. Он как развязавшийся шнурок, который у нее нет сил завязывать.

Холли снова сосредотачивается на Алексис.

– Мне сейчас нужно к Голдманам. Твоя мама хочет, чтобы я приглядывала за их ребенком. Папа недавно вступил в клуб «Каньон».

– А, – отвечает Алексис. – Ясно.

– Ну, у них хоть бассейн есть. У тебя все хорошо?

– Да. Хочешь заехать после работы? Или сходим куда-нибудь? В тайский или в кино?

Хочется ли ей? Ей не хочется ехать домой, где Лизетт с отцом будут допрашивать ее с пристрастием о Дэниеле Голдмане и уговаривать ее расспросить его о финансах. А еще ей, наверное, надо порвать сегодня вечером с Люком, покончить с этим.

– Возможно. Я тебе напишу, когда освобожусь, – говорит Холли.

– Ладно. Пей воду. Люблю тебя. Ой, тут доктор Филлипс передает привет.

– Передавай ему тоже. – Холли откашливается. – И я тебя люблю.

Она нажимает отбой, тяжело выдыхает и подъезжает по Клифсайд-роуд к серо-бежевому дому с алюминиевой облицовкой. На крыльце-веранде стоят два плетеных кресла и маленький кованный столик. Это милый простой домик, не то что ее золоченая клетка.

Поставив велосипед на подножку возле баскетбольной сетки, Холли обвязывает худи вокруг талии, поднимает руку и, стиснув зубы, стучит в красную дверь Голдманов.

Дверь с грохотом распахивается, и маленький мальчик, перепрыгивая через баскетбольный мяч, вылетает мимо Холли прямо на улицу, не глядя по сторонам.

Холли инстинктивно бросается за ним и ловит за талию.

– Эй, гонщик, стоп-линия в конце подъездной дорожки.

Мальчуган смотрит на нее ясными голубыми глазами, его лохматые светлые волосы падают ему на лицо. Он широко улыбается, и на его розовых щечках появляются две ямочки. Раз уж ей придется стать няней, то ребенок хотя бы попался прелестный.

Он вбегает обратно в открытую дверь, и оттуда появляется женщина. Она раздергивает рукой мягкие светлые волосы длиной до плеч. Вид у нее слабый и усталый, но улыбка приветливая и доброжелательная. Она не накрашена и не похожа на дам из круга общения Лизетт. У Холли не получается представить, как эта женщина обедает со стайкой мачехиных приятельниц.

– Здравствуй, Холли. Меня зовут Сара, а эту мартышку – Джейкоб.

Джейкоб озорно улыбается Холли.

– Приятно с вами познакомиться.

– Спасибо. Как видишь, Джейкобу нужно еще кое-чему научиться, в том числе как не выбегать прямо на дорогу, – Сара журит сына, но при этом ласково покачивает головой. – И спрашивать, кто там, когда стучат в дверь, если я не успеваю подняться с цокольного этажа наверх. Я как раз была у себя в красной комнате.

– Красной комнате? – Холли на ум приходят какие-то киноужасы с убийством, и ее слегка передергивает. Бывало, она упрашивала Алексис посмотреть снятое по книге Стивена Кинга «Сияние», пока родителей не было дома. А Алексис всегда отвечала: «Только если ты обещаешь, что придешь в комнату ко мне, а не к маме или Джону, когда тебе приснится кошмар». Кошмары снились Холли постоянно, и она всегда забиралась в постель к Алексис.

Она так запуталась в своих мыслях, что не поняла последних слов Сары. Холли снова переключает внимание на стоящую перед ней женщину.

– В общем, я фотограф. Красная комната – это моя фотографическая лаборатория. Джейкоб так ее называет из-за красного освещения. Я как-нибудь тебе покажу, если захочешь. Если тебя вообще интересует фотография.

– Интересно, – отвечает Холли. – Я люблю фотографии из путешествий.

– Хорошо, – произносит Сара. – Я тоже люблю снимки из путешествий, но сейчас я в основном почти не отхожу от дома. Снимаю то, что вижу вокруг. – Она глядит на сына, который дергает ее за руку.

Сара – полная противоположность Лизетт. Глаза скорее теплые, чем холодные, поза больше располагающая, нежели строгая. Она дружелюбна и открыта, только, может, немного напряжена.

– У вас есть аккаунт в «Инстаграме»? – спрашивает Холли, а потом широко улыбается Джейкобу, который, по всей видимости, ждет не дожидается, когда же она обратит внимание на него. – Могу поспорить, что ты по-настоящему высоко прыгаешь.

– Смотри! – И Джейкоб сигает вверх.

– Потрясающе!

Сара предостерегает:

– Осторожно, Джейкоб, – а потом снова обращается к Холли: – Я ничего не знаю про «Инстаграм». Но я есть в «Фейсбуке». – Женщина пожимает плечами. – Только и в нем я плохо разбираюсь. Посты, тэги и какие-то эмоджиконы.

Холли сдерживает улыбку.

– Эмотиконы, да. Сначала все это кажется сложным. – Она уже нашла общий язык с этой приземленной мамочкой, которая ничего не смыслит в социальных сетях. – Если вы фотограф, то «Инста» для вас – лучшая платформа. Я могу помочь зарегистрироваться, если захотите.

Сара касается горла.

– Ой, это очень щедрое предложение. Давай посмотрим, как пойдет. Я не работала как профессионал с тех пор, как забеременела Джейкобом. Это было уже так давно. Просто вот так сразу это слишком сложно, понимаешь?

– Конечно. Я прекрасно понимаю, – соглашается Холли. Она одаривает ослепительной улыбкой стоящего между ними энергичного мальчонку. За время их разговора он ни секунды не постоял спокойно. – Покажешь мне, как ты умеешь играть в баскетбол?

– Папа говорит, я мастер обводки! – Он тут же оббегает крыльцо, хватая мяч, попеременно разными руками чеканит им на месте как настоящий профи и останавливается в ожидании похвалы.

– Отлично! – Холли ударяется с ним кулачками, а потом поворачивается к Саре. – Кстати, мой ник в «Инстаграме» звучит как «Холли Гоу Лайтли». Если вдруг захотите найти.

– Как в «Завтраке у Тиффани»? – уточняет Сара.

– Да. Один из моих любимых фильмов.

– Такой забавный. Мне он тоже нравится, – признается Сара.

Холли вытаскивает телефон и поворачивает экраном к Саре, чтобы ей была видна лента: селфи, которые Холли сделала на пляже, в университетском кампусе, и последний любимый снимок, на котором она держит еще не прочитанную книгу «Becoming. Моя история» Мишель Обамы. Ее картина идеальной жизни. На экране телефона она выглядит прекрасно, но в реальности это полный бардак.

– Ух ты! У тебя наметанный глаз. Зайдем в дом?

Холли не поняла, насколько искренен комплимент хозяйки. Сара заводит Джейкоба в дом, а Холли идет следом за ними. Оказавшись внутри, она убирает телефон в рюкзак. Интерьер оформлен в светло-серых и кремовых тонах с оранжевыми и бирюзовыми акцентами в виде диванных подушек и приставных столиков. Здесь присутствует чувство дома, в отличие от ее собственного жилища, которое Лизетт превратила в нечто похожее на специальный раздел дизайнерского журнала.

Джейкоб уносится вперед, а они с Сарой идут в гостиную мимо висящих на стенах фотографий в рамках: захватывающих фотопейзажей парка Капилано, Кливлендской плотины, подвесного моста через реку Капилано и репортажных снимков Джейкоба и его отца Дэниела. Последний оказался красавцем – густые каштановые волосы, мальчишеское лицо, волевой подбородок, – но вид определенно как и у всех знакомых ей папаш из Форест-Вью: богатый, занятой и скучный.

– Они прекрасны. – Холли показывает на фотографии Дэниела и Джейкоба, где они прыгают в Тихий океан во время отлива. Сара поймала идеальный момент, когда волна прокатывается под их босыми ногами, а их лица озаряет радость и наслаждение свободой. У Холли щемит сердце. Каково это, чувствовать такое?

– О, спасибо, – отвечает Сара и переводит взгляд на диван. Там уже стоит Джейкоб с распростертыми руками, будто стремится взлететь. – Джейкоб, не смей. – Она выдыхает и снова поворачивается к Холли. – Дэниел решил, что мне было бы полезно уделить этим летом время себе. Я довольно долго просто сидела дома с ребенком. – Сара подходит к дивану и показывает на пол. – Слезь, пожалуйста.

Холли подавляет улыбку, глядя на бесстрашные проказы Джейкоба. Потом она смотрит через большие венецианские окна на задний двор, где на солнце сверкает бассейн.

Сара показывает на него через раздвижную стеклянную дверь.

– Лизетт сказала мне, что ты сертифицированный спасатель. Ты не против того, чтобы плавать с Джейкобом?

Холли кивает. Она совсем даже не против. В воде она чувствует себя счастливой. Отец с Лизетт настояли на том, чтобы Холли и ее сводная сестра тренировались в плавании, чтобы их приняли в команду школы «Йорк-хаус» – престижной частной школы для девочек, в которой они и учились. Так что, будучи хорошими пловчихами, обе с легкостью заняли места в команде и получили работу спасателями на лето. Алексис, конечно же, жаждала спасти жизни, а для Холли это был прекрасный способ познакомиться с мальчишками, поскольку в школе их не было. Хотя на свидания она никогда ни с кем не ходила. Мальчишки нужны для практики. Мужчины – для настоящей жизни.

– Идем. Я покажу тебе задний двор. – Джейкоб подхватывается и мчится открывать дверь, а Холли выходит следом за Сарой на прилегающую к дому веранду с четырьмя бирюзовыми шезлонгами, расставленными вокруг ассиметричного бассейна в форме почки, и круглым стеклянным столиком с красным зонтом от солнца. Все простое и непритязательное, как сама Сара. Справа от бассейна располагается маленький домик из кедровой доски.

Сара замечает, что Холли смотрит на него.

– Это мужская берлога Дэниела. Не разрешай Джейкобу там играть. Дэниел ревностно охраняет это место. Ему не нравится, даже когда я туда захожу. – Она закатывает глаза и смеется. – Мужчины.

Холли улыбается, переводя внимание на открывающийся с террасы захватывающий вид. Ей приходится прикрыть глаза от солнца.

– Мой дом прямо напротив через реку. Вон тот в серединке, из стекла и бетона.

Сара прищуривается.

– О, это шикарный дом. Я и не знала, что мы живем так близко друг от друга.

Холли указывает пальцем на дальний левый угол своего дома.

– А моя комната вон там наверху. – Вода в бассейне рябит, хотя ветер несильный. А верхушки деревьев в густом лесу едва заметно покачиваются во влажном воздухе в удивительной близости от дома Голдманов. Сквозь небольшой просвет среди узловатых ветвей Холли видно широкое окно ее спальни. Она оставила шторы открытыми. Никому не понять, каково ей живется в этом доме. На этой стороне реки все совсем иначе.

Сара быстро кивает и ведет Холли обратно в гостиную. Джейкоб льнет к Холли, и Сара бросает взгляд на сына:

– Джейкоб, принеси, пожалуйста, свой купальный костюм.

Мальчик не обращает на мать никакого внимания и с глухим звуком плюхается на диван. Сара тут же напрягается, но быстро справляется со своей реакцией, сосредотачиваясь на Холли:

– Твоя мачеха сказала, что ты только что закончила первый курс на медицинском факультете?

Холли покашливает.

– Ага. То есть да. В Университете Британской Колумбии.

– Какое достижение. Почему именно медицина?

Холли выдает ту же ложь, что всем остальным:

– Чтобы работать с папой в «Хэлс Про Икс». Мы одна большая счастливая и трудолюбивая семья.

Холли досадует на то, что она Монро. Ей хочется просто быть собой, и неважно, чем ей пришлось бы заниматься по жизни. Но в трастовом фонде, который Холли должна получить после достижения двадцати пяти лет, отец сделал оговорку, что деньги перейдут к ней только при условии, что она получит медицинский диплом и станет работать в «Хэлс Про Икс». Таким образом он привязывает ее к Форест-Вью – а заодно и к себе – навечно.

Как же повезло Джейкобу, что его мама, по-видимому, любит его настолько сильно, что предоставляет ему достаточно свободы и позволяет просто бегать и играть. Как же ему повезло, что у него вообще есть мама.

Сара выжидающе смотрит на Холли:

– Так что скажешь? Берешься за эту работу? Если ты не против попробовать прямо сегодня, то, может, останешься, и посмотрим, как Джейкоб это воспримет?

– Йе-е! – взвизгивает Джейкоб, радостно улыбаясь Холли.

Новоиспеченная няня широко улыбается в ответ.

– Я с удовольствием. – И это в самом деле так. Джейкоб, видимо, с первой секунды почувствовал к ней симпатию, Сара оказалась очень милой, а этот дом – уютным. Однозначно уютнее, чем ее собственный.

– Вот и прекрасно. Если понадобится, я буду у себя в красной комнате.

– Сейчас надену купальный костюм! – Джейкоб в мгновение ока летит с дивана на лестницу.

Холли смеется. Присматривать за этим малышом будет не так уж тяжело.

У Сары широко раскрываются глаза от удивления:

– Ух ты! Ты ему понравилась. Обычно он гораздо... упрямее.

Холли чувствует, что у нее пылают щеки.

– Скучно ему не будет. Я люблю плавать и кататься на велосипеде, так что найду ему занятие.

Судя по вываленным из плетеной корзины в углу гостиной игрушкам и электронным устройствам, а также по прислоненному к стене мольберту, Джейкобу есть чем заняться. А Холли не терпится заглянуть в другие комнаты. Этим она занималась всегда, когда оказывалась в новом для себя месте, ведь дома людей – это отражения их истинных личностей, однако тайны свои они скрывают. Столько всего можно узнать, если пошарить вокруг. Этому ее научил Люк. Речь не о самих вещах, а больше о том, как люди их размещают по дому: что выставляют напоказ, а что прячут. Все это рассказывает о многом. И ей хочется узнать историю Голдманов.

У Холли пищит телефон, и она достает его из рюкзака. Холли чувствует на себе взгляд Сары. Со стороны это выглядит плохо? Может, она не должна пользоваться телефоном? В конце концов, она здесь ради получения работы.

– Это моя сводная сестра, – поясняет она Саре. – Вы не возражаете, если я быстро ей отвечу?

– Давай, – отвечает Сара. – А потом, если ты не против, сбегаеть наверх поторопить Джейкоба, чтобы шел плавать?

Холли улыбается:

– Разумеется.

Сара разворачивается на каблуках и направляется к лестнице, ведущей на цокольный этаж.

«Как дела?» – написала Алексис.

«Мама милая. Малыш классный. Папу не видела».

«Ты ему понравишься».

Холли морщится.

«Мне пора».

Сверху до нее доносится топот, и она откладывает телефон, чтобы посмотреть, чем там занимается Джейкоб. Поднявшись наверх, Холли видит, что дверь в комнату мальчика открыта. А сам он еще в пижаме с Железным человеком спрыгивает с кровати на пол, а потом запрыгивает обратно. С грохотом приземлившись и увидев Холли, Джейкоб выпучивает глаза.

– Я упражняюсь.

Холли смеется.

– Ты готов идти плавать? – Она снимает с себя толстовку с логотипом Университета Британской Колумбии и остается в синем купальнике – достаточно скромном, но подчеркивающим фигуру. Важно чувствовать себя уверенно внешне, даже если не чувствуешь себя так внутри. – Надевай свой купальный костюм, и я научу тебя нырять за монетками.

Холли взъерошивает Джейкобу волосы и выходит в холл, пока он переодевается. Ее охватывает гордость за то, что она так хорошо с ним справляется. Жаль, что отец не видит, как здорово у нее получается обращаться с детьми.

Холли смотрит вниз. Дверь в комнату Сары открыта. Она тихонько подбирается к ней и заглядывает внутрь. Ей открывается большое, но уютное пространство спальни с мятно-зеленым креслом в углу, поверх которого накинуто пушистое белое покрывало. Ей представляется, что, завернувшись в него, Сара с Джейкобом сидят в обнимку и читают. Тут есть ощущение безопасности. Как в спальнях, которые показывают в семейных комедиях. Ей хочется прилечь на красивое небесно-голубое одеяло, свернуться калачиком среди мягких подушек кремового цвета.

– Холли? – зовет сверху Джейкоб.

Она спешит обратно к его комнате. Мальчик стоит в белой футболке и голубых плавках, скрывающих большую часть его кожи от жестких солнечных лучей.

– Идем!

Они вместе спускаются по лестнице. Джейкоб сует свою маленькую ручку в руку Холли и тащит ее к бассейну позади дома. Он прыгает в воду прежде, чем Холли успевает его остановить. На секунду ее охватывает паника, но увидев, что малыш плавает уверенно, она снова начинает дышать.

– Смотри! – кричит она ему. Глаза Джейкоба лезут на лоб, когда Холли с трамплина исполняет идеальный прыжок согнувшись.

– Ого! Научишь меня так же?

– К концу лета нырять будешь сногшибательно!

Джейкоб окунается с головой в мелкой части бассейна и делает под водой нескладный переворот, от чего Холли разбирает смех. Но тут она слышит у себя за спиной какой-то звук.

Обернувшись, она бросает взгляд на окно цокольного этажа, расположенного как раз на уровне глаз. Там она видит Сару. Ее лицо наполовину скрыто телеобъективом. Сара стучит в стекло и машет. Потом она наводит фотоаппарат на Холли и нажимает спуск затвора.

Холли натянуто улыбается.

Джейкоб в дальнем углу бассейна. Он даже не попадает в кадр.

Волоски на руках Холли встают дыбом. У нее такое чувство, что Сара видит ее насквозь.

А Холли не хочется, чтобы кто-нибудь знал о том, что спрятано у нее внутри.

Глава третья

САРА

Настоящее время

Застыв, я таращусь на круглый глазок камеры в детекторе дыма. Нужно пошевелиться. Быстро. Соскочив со стула, я в панике шарю глазами по комнате в поисках другой скрытой опасности. Но я даже не знаю, что ищу. Это было бы, возможно, смешно, если бы я не была так напугана.

Скрытая камера. С нее-то и началась вся история с Холли.

Поначалу все было очень невинно. Видеоняни – обычное дело. Любая хорошая мать прибегла бы к их помощи для контроля за чужим человеком, которому доверила своего ребенка. Но не каждая мать стала бы фотографировать няню ребенка через окно ее спальни в тот момент, когда няня не подозревает, что за ней кто-то наблюдает. Теперь же мне противно вспоминать об этом – как оттого, что я смогла пасть так низко, так и оттого, что увидела.

Я помню тот день, когда наняла Холли, и как Джейкоб тут же ее принял. Она была юна, энергична и игрива – совсем не то, что я. Мой сын ее слушался и ходил за ней хвостиком. Это придало мне уверенности в том, что их можно оставить без присмотра, и побудило закрыться в красной комнате вскоре после ее прихода. К тому же в гостиной у меня были установлены две видеоняни: одна спрятана в вазе на камине, а вторая – в стенных часах.

Дэниел ничего не знал об этих видеокамерах. Он бы сказал, что я драматизирую. Ему моя реакция всегда кажется чрезмерной, а я, по его мнению, вечно жду самого худшего ото всех, и от него в особенности. И еще он считает, что я слишком опекаю Джейкоба. Выслушивать его нытье мне не хотелось, поэтому я спрятала видеокамеры до момента, пока не понадобится показать ему записи.

И надо признать, что в первый день этот полный восхищения взгляд Холли дал мне почувствовать, что меня поняли – разглядели то, кем я на самом деле являюсь. В тот самый момент, когда она появилась у нас в своих джинсовых шортах и черном худи Университета Британской Колумбии, со своими прелестными ножками и изящной фигуркой, у меня возникло пьянящее чувство, что мы хорошо поладим и что, несмотря на большую разницу в возрасте, мы нужны друг другу. Я полагаю, это и притупило мое обычно обостренное чутье. Ибо я все истолковала неверно.

Как только в январе мне исполнился сорок один год, я почувствовала себя... потерянной. За неимением других занятий я липла к Джейкобу, как клей, постоянно переживая за него и терзаясь дурными мыслями, что с ним что-нибудь произойдет, стоит мне упустить его из поля зрения хоть на секунду. Рассказывают ведь истории матерей, чьи дети попали под машину или утонули в тот момент, когда они отвернулись. Эти сценарии мелькали у меня в голове в виде страшных стоп-кадров.

Дэниел заметил изменения в моем поведении и сказал, что в своем постоянном беспокойстве за сына я балансирую на грани безумия. Вот его точные слова: «Ты душишь его своей заботой. Нужно тебе отвлечься».

По его настоянию я заново открыла для себя свою первую любовь в жизни – фотографию. Но душа все равно разрывалась на части. Разве моя работа заключается не в том, чтобы быть мамой Джейкоба? Оберегать его от опасности, замечать ее прежде него самого и уводить от

нее подальше? Мне отчаянно требовалось со страстью отдаться чему-нибудь исключительно для себя, и в глубине души я понимала, что Дэниел прав. К этой потребности примешивалось чувство вины за тоску по чему-то большему, чем просто быть матерью. Ведь я сама не понимала, что именно заключается в этом «большем». Может, все это и расположило меня к молодой, свежей девушке, взявшей на себя мои обязанности, будто они самые легкие на свете.

Я и не думала превращать Холли в объект своих съемок. Или мыслей.

В первый раз я подглядела за ней случайно. Это произошло среди ночи. К тому моменту минуло уже несколько часов после того, как она ушла домой, успешно проведя с Джейкобом свой пробный день.

– Ты принята, – сообщила я ей чуть позже полудня, будучи уверенной в том, что это наилучшее решение, и излучая облегчение и признательность Дэниелу за идею. Все-таки это он ее нашел.

– Правда? – спросила Холли чуть неуверенно. И это стало первым замеченным мною признаком, что ей нельзя доверять на все сто.

– Да, у тебя фантастически получается управляться с моим сыном. Давай договоримся на рабочее время с девяти до четырех, с понедельника по пятницу. Тебе подходит такой график?

– Идеально, – ответила она.

В четыре, после того как она укатила на своем велосипеде домой, Джейкоб подошел ко мне, сияя от радости. Он был спокойнее обычного, потому что Холли проплавала с ним несколько часов, а потом повела его искать сокровища на лужайке перед домом. Кажется, она умела находиться поблизости и при этом не ограничивать ему пространство для исследования.

– А завтра Холли придет? – спросил Джейкоб, пока его няня удалялась в сторону родительского особняка на другом берегу Капилано.

– Будет приходиться каждый рабочий день, – объявила я своему счастливому ребенку.

В восемь вечера я уложила вымотанного Джейкоба спать. В десять уснула сама, а Дэниел заполз в постель в час ночи, после возвращения со встречи со Стэном Филдингом – одним из приятелей по гольфу и бывшему члену университетского братства, с которым он тесно общался. Уснуть снова мне не удалось.

В конце концов, проворочавшись и промаявшись два часа, я прихватила свою верную «Лейку» и вышла на террасу у бассейна сделать несколько снимков ночного неба. После рождения Джейкоба я периодически страдала приступами бессонницы. Однако в ту ночь мое внимание привлекло не небо и не звезды. То был свет на другом берегу реки.

Не знаю, что заставило меня спуститься в заросли за ограждением бассейна и начать приглядываться. За узким выступом густой лес с переплетениями узловатых ветвей и торчащими из земли корнями спускается по крутому откосу к бурной реке. Здесь красиво, но у крутого обрыва опасно.

Очувтившись на выступе, я взглядела в небольшой просвет среди ветвей и резко втянула в себя воздух, осознав, что передо мной. Это было окно спальни Холли.

Я не удержалась и навела свой телеобъектив на прозрачные занавески в ее окне. Холли сидела на кровати. Подробностей видно не было, но было ясно, что она не одета. Я поняла, что это она, по собранным в хвостик волосам. За просвечивающими шторами можно было различить лишь темный силуэт ее тела, по-юношески совершенного, но лишь в общих чертах. По комнате прошел кто-то еще. Лица этого человека тоже было не различить, но фигура выглядела по-мужски мускулистой. Значения это не имело. Мне хотелось рассмотреть именно Холли – эту молодую женщину в расцвете ее не тронутых годами и заботами красоты. Не то чтобы мне было видно все – не так откровенно, – но все же она была передо мной, по-видимому, со своим парнем, и проходила у себя в спальне этот обряд посвящения, не ведая того, как сложится ее жизнь дальше. Ее друг подошел к ней, но она поцеловала его первой. Холли взяла инициативу в свои руки. Все происходило уже не в первый раз – это было очевидно, –

но свежесть и новизна, видимо, сохранялись. И Холли не подозревала, насколько она гибка и прекрасна, насколько это время скоротечно и как сильно все меняют возраст и жизненный опыт. И еще она не знала, что кто-то за ней подсматривает. Я уже не могла стереть из головы увиденное. Оно меня заворожило.

Я щелкнула затвором. В ней было что-то особенное, нечто, заставившее меня погрузиться в ностальгию о давно минувших днях, когда любовь и страсть просто опьяняли и весь мир принадлежал мне. Тогда я была юна и наивна, моя кожа не сморщивалась и не провисала, а я не была заложницей постоянной тревоги за каждое движение сына. Конечно, нехорошо было подглядывать, но я почувствовала радость за Холли, за то, что она молода и живет полной жизнью. Возможно, это были ее первые серьезные отношения с парнем. И ему позволили остаться на ночь. Мне в ее возрасте никогда не разрешали оставлять парня у себя на ночь.

Не надо мне было делать те снимки. Но все же я сделала и не раз. Я была уверена, что это только мой секрет, но теперь такой уверенности у меня нет.

Я знаю, что тревожусь о множестве вещей. Я не то чтобы зашоренный человек. Просто там, где другие видят приключения, я предчувствую опасность. Терпеть не могу это нервное ожидание, возникающее в груди всякий раз, когда Джейкоб взбирается на дерево слишком высоко или слишком быстро бежит вниз по лестнице. Куда ни посмотри, я везде вижу опасность; я не могу довериться людям, способным причинить нам вред. Сборщик мусора потенциально может украсть наши персональные данные; тренер Джейкоба по баскетболу – педофил; сотрудник клиентского сервиса в банке собирается опустошить мои банковские счета. Мне приходится обуздывать свои мысли, пока они совсем не разошлись. Я пялюсь на круглый глазок на потолке. Должно быть разумное объяснение тому, что в моей новой спальне установлена скрытая камера. Холли больше нет в нашей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.